

Наш «гражданин Галактики»

СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ

Картежник

Братьям по разуму -
пламенный привет
от расы крановщиков

Святослав Логинов

Картежник

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121637

Картежник: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-11189-1

Аннотация

«Одиноки ли мы во Вселенной?» – над этим вопросом многие кипучие умы чуть не сломали свои буйные головы. И выходит, зря. Лучше бы они тратили свои силы на что-нибудь другое. Ведь подлые инопланетники, прибыв на Землю с единственной целью – утилизировать ее население, даже и не думают вступать в какие-либо переговоры с полномочными представителями возмущенного человечества. И лишь один из людей – мелиоратор из деревни Подсосенки Ленинградской области Олег Казин, он же – полноправный гражданин Галактики и единственный представитель ранее неизвестной расы крановщиков, он же – непревзойденный мастер игры в буру, способен отвести угрозу от нашей планеты. Хотите узнать, как это было – тогда сдавайте, тьфу... читайте!

Содержание

Книга первая	4
Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	30
Глава 7	43
Книга вторая	49
Глава 1	49
Глава 2	53
Глава 3	56
Глава 4	61
Глава 5	64
Глава 6	66
Глава 7	69
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Святослав Логинов

Картежник

Сыну Денису

Любимое занятие автора – расставлять точки над «ё». И ежели вдруг эта книга окажется лишённой лучшей из букв алфавита, то подобное издание должно считаться незаконным, а его редактора следует подвергнуть немедленной утилизации в полном соответствии с межгалактической конвенцией о гражданских правах.

Что наша жизнь? – Игра!
П. Чайковский

Книга первая

В краю жидкофазных систем

...буль-буль!
Реклама

Глава 1

Муровина

Оп твою так! – воскликнул Казин, высунувшись из кабины. – Это что ещё за муровина?

Муровина и впрямь впечатляла. В поперечнике она была метра четыре, да ещё немалые вздутия по краям. Цвет её менялся от студенисто-зелёного до почти василькового. Муровина лежала, глубоко вдавившись в раздолбанную гусеницами почву метрах в десяти от того места, где три часа назад Казин уже проезжал. Не заметить такую блямбу было бы невозможно, значит, три часа назад муровины здесь не было.

Рука Казина сама собой полезла в кудрявый затылок.

На одном из вздутий обозначилась дырка, и оттуда спрыгнуло в весеннюю распутицу человекоподобное существо цвета хаки.

– Понятненько, – сказал Казин, оставив затылок в покое. – Вот только вас мне и не хватает для полного счастья.

Глава 2

Восемнадцатый день – болото

Лотки засели не доходя Марьиного ручья. До Подсосонья их привезли на «КамАЗе», там перегрузили на пену, и Илюха на своём «Т-104» поволок их на объект. И, разумеется, сел на брюхо. Дизель ревел, гусеницы вращались, разбрасывая глиняную кашу, но даже самого себя трактор с места сдвинуть не мог. Одно слово – Марьин ручей, тут и в августе сухо не бывает.

Огорчённый Илюха прибежал к Казину жаловаться на судьбу и погоду.

– Трансцендентально... – заметил начитанный Казин, когда наконец въехал, что ему предстоит полдня кандыбать к Марьину ручью, выдёргивать из хляби Илюху, а потом с пеной на поводке полдня кандыбать обратно.

– Чево? – подозрительно спросил Илюха.

Казин объяснил понятными словами.

– Я и без тебя знаю, что хреново, – согласился тракторист, – а делать-то чево?

Делать было и впрямь нечего. Кроме казинского крана, больше болотников в колонне не имелось. То есть был ещё тросовый экскаватор, на котором мудохался Степанов, но до экскаватора было ещё на добрых два километра дальше. Степанов уже подбирался к Неодолимому, а там уже никакой бо-

лотник не поможет, всякая техника сядет намертво, и деньги таинственного АО, вздумавшего осушать земли в районе Марьиного ручья, будут прочно и навеки похоронены в расейском суглинке.

Впрочем, Казина и других мелиораторов этот вопрос волновал постольку-поскольку. Главное, что покуда АО «Дубрава» исправно платило заработную плату, и гончарную трубку везли из Прибалтики, как в добрые старые времена, не столько для работы, сколько на бой. Говорили, что «Дубрава» отмывает мафиозные денежки, потому и затеяла проект века, собираясь осушить гнилое болото, хотя кругом и без того полно бросовых земель.

Казин этим слухам верил и не верил одновременно. Случалось, ехидно спрашивал: а какие деньги тридцать лет кряду отмывала советская власть? Вон они, плоды их работы, – по всему району видны: оплывшие каналы, заиленный дренаж, порушенные мосты, перепаханные поглотительные колодцы. И всё приведено в негодность ещё тогда, сразу по сдаче объекта. А сейчас – просто без дела догнивает. Колхозы не пахут, а арендаторы мелиорированную землю не берут, стоит она впятеро дороже, а урожай на ней если и выше, то на ползерна с гектара. Но тем не менее работал Казин так, чтобы потом кран из трясины вытащить своими силами, не рассчитывая, что кто-то будет помогать, когда богатенькое АО растает в воздухе словно утренний туман. И на всякий случай солярку и съёмное оборудование хранил не на ремонт-

ном, а дома в сараюшке. Случись что – без Казина кран можно только в металлолом, а цена такому железу – сущие слёзы. Потому Казин и не переживал, когда зимой задерживали зарплату. Ежели что, он явочным порядком кран за долги угонит, а уж куда его приспособить – всегда можно придумать.

Под эти мысли неторопливый «ПКБ» дошлёпал к Марьину ручью. Земля здесь была разворочена изрядно, и край канала обрушен, видно было, что Илюха не ждал милостей от природы и всячески пытался выбраться из ловушки, которую подстроил ему непоседливый ручеёк. Даже один из лотков был стащен с пены в грязь и расколот гусеницами.

– Зря ты его, – посерчал Казин. – Знаешь, сколько они теперь стоят?

– Труха... – отмахнулся Илюха. – Трёхметровки дешёвые, они же не покупные, их наш ДСК из всякой некондиции делает. Да и не уложишь ты их все, они тут с ба-альшим запахом навалены.

– Всё равно – деньги, – сурово осадил Казин. – Я бы лучше этот лоток перед домом в канаву уложил, чтобы не чистить каждый год, или дорожку бетонную сделал бы.

– На дорожку и битый сойдёт.

– Это тебе сойдёт, а мне надо как следует! – Казин махнул рукой и полез в башню за тросом.

Завязшего Илюху Олег Казин вытягивал с особенным удовольствием. Вспоминался давний спор, что сильнее –

кран с дизелем на семьдесят пять лошадей или сточетырёх-
сильный Илюхин трактор. Вот, пожалуйста, никакая моща
Илюхе не помогла, сидит «Т-104» как миленький, а Олег на
своём болотнике вокруг ползает и сейчас тянуть будет. Ко-
гда-то они даже пытались потягаться – кто кого перетянет,
но трос попался со слабиной и лопнул, изрядно покарябав
задник поворотной башни. С тех пор Казин зарёкся играть в
такие игры, но старого спора не забыл.

Однако, сейчас, вытащив Илюху на место, если не сухое,
то чуть более плотное, Казин не успел похвастаться своей
правотой. За лесом что-то раскатисто грохнуло, так что даже
в кабине у самого дизеля было слышать. Илюха тоже выбра-
лся из кабины, снял подшлемник, вытер грязный лоб.

– Шо это там долбануло? Кучи, что ли, горят?

– Какие кучи? Они уж месяц как прогорели. Само рвануло
что-то. Или мои оболтусы развлекаются.

– А Степанов не мог на какую дрянь наступить?

– Да ну, Степанов вона где, а это совсем рядом.

– Ты всё равно поглянь.

– Погляну, погляну... А ты пену перецепляй. Дальше сам
повезу, а цеплять тебе. С тебя бы ещё денег взять, за помощь.
Сколько ты вчера с дачника слупил, когда из лужи его «За-
порожец» вытаскивал?

Прижимистый Илюха лениво отругивался, не желая назы-
вать сумму, но пену перецеплять принялся безропотно, чего
Казин и имел в виду, когда затронул кляузную тему.

Вот выигранный спор Казин так и не помянул, а потом уже не до того было, дела начались всевозможные, о каких не только в Подсосонье, но и в райцентре никто и подумать не мог.

Болотник лениво перемешивал глиняную кашу, а гружённая контейнерами пена выглаживала её не хуже асфальтового катка. Скорость у казинского «ПКБ» была стандартной – три километра в час, так что Олег едва ли подрёмывать не начал за рычагами. Смурно глядел на пустую дорогу, размышлял ни о чём.

Домой сегодня не попасть, опять придётся ночевать в бытовке, что на полдороге от ручья до объекта. Значит, Ганна снова устроит сцену ревности. Ну не дура ли – по каким бабам он пойдёт после работы, – весь в солидоле? Да и кран бросать под открытым небом неохота, того гляди разденут. Вон, Степанов добросался, свинтили движок. Неделю потом экскаватор заводился с помощью казинского крана. Теперь у Степанова замок на башне ещё побольше, чем у самого Казина.

Собственно, движок степановский у Казина в сараюшке припрятан, еле допёр. А то свой, на кране, барахлит, а у Степанова был новый. Движок – вещь в хозяйстве нужная, скажем, воду в баньку качать. Надо только погодить, пока колонна в другое место перейдёт, чтобы Степанов пропажу не признал. Сам-то Степанов не из Подсосонья, на работу развозкой приезжает и после окончания работ в этих краях ни-

как появиться не сможет.

Одна беда, поживившись в чужом хозяйстве, Казин потерял покой. Всё время казалось, что теперь Степанов или кто ещё спилит замок на башне и обчистит кран. А там добра – выше головы, одна электрическая часть чего стоит, это тебе не трактор, где двигатель да два фрикциона. Скорей бы уж гикнулось АО «Дубрава» и можно было уйти из этих нехороших мест.

За леском ещё раз гулко бахнуло, и вроде даже дым показался. Казин потёр лоб, соображая. Степанов отсюда далеко и после работы пойдёт напрямую через лес, чтобы перехватить развозку возле Мелетиц. Казинские подсобники – Лёха и Воха сорвались с объекта, едва узнали, что Казин поедет выручать завязший трактор. Они уже небось в Мелетицах поллитру дают. Неужто и впрямь кучи догорают?

Жечь кучи для российского мелиоратора особая песня. Зимой, когда работы мало, и ПМК избавляется от сезонников, механизаторы заняты сведением на будущих объектах кустарника. Ломкие по зимнему времени кусты сгребают тракторными щитами в огромнейшие кучи, а весной, когда стает снег и кучи слегка просохнут – поджигают. И начинает над бывшими перелесками погромохивать эхо прошедшей войны.

Вместе с ивовым кустарником и ольховыми стволами оказывается в кучах масса камней, земли и старого железа. Раскалившись от огня, звонко лопаются миниатюрные, похожие

на карикатурные бомбочки, мины от ротных миномётов, солидно гамкают тяжёлые мины, бабахают трёхдюймовые снаряды. Разумеется, основная масса этих боеприпасов попадает в кучи не случайно, а бывает подброшена самими механизаторами. Это теперь старые снаряды можно выгодно продать киллерам и чернозадым террористам, а прежде от них одни неприятности были. Не сапёров же вызывать ради десятка батальонных мин, да и не приедут сапёры из-за такого пустяка. А катать по взрывчатке на тракторах тоже не с руки. А тут – и польза, и развлечение разом. Главное – не соваться близко к горящим кучам. Иная неделю тлеть будет, прежде чем долбанёт в её недрах заветный боеприпас.

Встречались порой на полях прошлых боёв и более неприятные подарки. Хорошо, если случится наехать на противопехотную мину, она в худшем случае траки порвёт, а то и вообще ничего не будет. А если противотанковая попадётся? Тогда молись реабилитированному Христу, чтобы дурной случай, приведший тебя сюда, тем же дуриком позволил уцелеть.

Казин за без малого тридцать лет работы ни разу на противотанковую мину не наступал, а вот Степанов за то же время попадался четырежды. Оно, впрочем, и понятно – экскаватор всегда первым идёт. Всякий раз осколки уходили в ходовую часть, калеча технику, но не трогая водилу. Степанов при этом каждый раз составлял акт о несчастном случае на производстве, мчал в травму, где фиксировал контузию, по-

сле чего получал не только новый экскаватор, но и порядочную страховку. Казину инда завидно было, хотя мин он по-прежнему не искал. Везёт Степанову, что четыре раза левой гусеницей на мину наезжал, а если бы правой? Тогда прямо под сиденьем рванёт – и скидывайтесь, ребята, на венок. Случаи такие бывали.

Конечно, когда Казину попадались немецкие «блины», он их подбирал. Советских противотанковых мин на полях уже не осталось, они монтировались в деревянных патефонных ящиках и давно погнили, а вот гитлеровские – в дюрале. Если вывинтить взрыватель, то под ним смазка – солидол, прозрачный, как вазелин. Наши и сейчас такого делать не умеют. Швейную машинку им хорошо смазывать.

Случай, когда Степанов пятый раз получил страховку, был памятен не только мелиораторам, но и половине района. Тогда экскаватор выворотил из земли двухсоткилограммовую чушку для дальнобойного орудия, из каких фрицы били по городу с Вороньей горы. Сбежались механизаторы, погалдели и решили отправить подарок в ближайшую кучу, которая к тому времени разгорелась в самую пору.

Снарядище закантовали в ковш, и Степанов поехал. Вывалил груз в самое пекло и начал было отъезжать. Отъехал всего ничего, когда снаряд сработал. Мужики потом гадали, с чего бы такое могло быть. Этакой громаде, всяко дело, час надо раскаляться. Сошлись на том, что как раз в ту пору рванул в куче какой-то шальной снарядишко, а от него сдето-

нировал и большой. Степанова вновь спасла механическая часть, хотя на этот раз его контузило серьёзно, и голова у экскаваторщика тряслась, наверное, с полгода. А головешки, раскиданные взрывом, летели на три версты, до самых Бегуниц. Рассказывали, что обугленное бревно упало во дворе поселковой бани и было в тот же день распилено на дрова. Илюха даже врал, что директор бани назавтра приказал, чтобы мелиораторов пускали в баню бесплатно, хотя пятница – женский день.

По всему району пользовался тогда успехом сажуный стишок:

Голые бабы по небу летят,
В баню попал реактивный снаряд.

Казин со вкусом повторил двестише, благо что рёв дизеля не позволял слышать даже себя самого. Затем он наклонился вперёд, принялся зачем-то протирать боковое стекло, потом произнёс:

– Оп твою так!

Казин увидел муровину.

Глава 3

Рубль перевоз

Хакицветный пришелец судорожно дёргался, явно не умея совладать с вывороченной на бровку раскисшей глиной. Чем-то он напоминал Казину месячного цуцика, принесённого недавно взамен издохшего цепного кобеля Андроба. Учув не выветрившийся запах серьёзного пса, цуцик задрожал и со страху наделал лужу. Сейчас точно так же дрожал пассажир муровины. Это зрелище слегка успокоило Казина, у которого самого отчего-то неприятно тянуло в низу живота. Однако, преодолев спазм, Казин выбрался на гусеницу и сказал строго:

– Ты, парень, того... у меня с геометрией всегда плохо было, поэтому пифагоровы штаны я тебе рисовать не буду. Сам рисуй, если что...

– Какие штаны?.. – просвиристел инопланетчик. – Вынь-ми меня отсюда, я не хочу тут...

– А!.. – злорадно пропел Казин. – Проняло? Это тебе не по космосу прокляжаться. Распутица хлипких не любит. Давай руку, что ли...

В один рывок выдернул хлюпика, поставив рядом с собой на дрожащей гусенице.

– Как же тебя угораздило засесть?

– Я мнить не смел, что здесь столько жидкофазных си-

стем, — заоправдывался болотноцветный. — Подобного рода суспензии чрезвычайно раритетны во Вселенной, вот мой астромобиль и забух.

— Трансце... — начал было Казин, но вовремя понял, что зелёный, пожалуй, знает слова и похлеще, и потому сразу перешёл к делу: — Муровину твою, выходит, тоже вытаскивать надо?

— Надо! — с готовностью закивал собеседник.

— А платить чем будешь? — на этот раз Казин твёрдо решил выгоду не упускать.

— Там договоримся, — уклончиво пообещал космопланетчик.

Подобные увёртки с Олегом не проходили никогда. Если уж речь зашла о деньгах, дожимать партнёра нужно вплоть до шороха бумажек.

— Как договоримся, так и вытащу. — Казин распахнул дверцу кабины. — Я покудова лотки доведу и сброшу, а ты сообщай. Здесь будешь думать или в кабину полезешь?

Инопланетянин очень по-человечески вздохнул и полез в кабину.

Лёхи и Вохи на объекте, конечно, не было, поэтому Казину пришлось одному сгружать лотки: стропалить их по четыре за раз, что строго запрещалось правилами безопасности, стаскивать с пены, а потом снова сигать в грязь, чтобы отцепить крюки. Напрыгался вдоволь и твёрдо вознамерился слупить с инопланетчика семь шкур. Всё это время зеле-

новатый сидел в кабине и, не мигая, разглядывал своего спасителя.

– Тебя как зовут-то? – поинтересовался Казин, счищая в последний раз глиняные пудовики о край гусеницы.

– Син, – дзинькнул пришелец, так что непонятно, имя было произнесено, должность во Вселенной или попросту – все они сыны, и любого зеленомордого так звать можно.

– Понятненько... – протянул Казин. – Блудный син, значит.

– Блудный, – с готовностью согласился собеседник. – Домашний син далеко от синоматки не отходит, а я повсюду блуждаю.

Казин с сомнением оглядел тощенькое рыльце блудного сына, но от шутки решил воздержаться. Лишь спросил строго:

– Чем расплачиваться будешь, надумал? А то рабочий день заканчивается, мне домой пора. А завтра будет дороже.

Блудный син полез за пазушку и со вздохом вытащил коробочку без единой кнопки, но с экраном вроде как у карманного тетриса.

– Вот.

– Что за... малявина? – изобрёл термин грамотный краповщик.

– Транслитератор, – непонятно объяснил син.

– Зачем он?

– Разговаривать.

– Радиотелефон, что ли?

– Нет. Вот мы с тобой разговариваем, а без транслитератора ты бы меня не понял.

– Ага, переводчик, – рассёк Казин. – Ну, кажись, штука хорошая. Батарейки у него на сколько рассчитаны?

– Десять в двадцать седьмой степени диалектных единиц.

– Ладно, пойдёт, – Казин упибал транслитератор в нагрудный карман и решительно взялся за рычаги.

Даже когда дело дошло до собственной его машины, тиномордый оказался не помощником. Казин обвёл муровину запасным тросом, затянув его на самодав, застропалил на четыре малых крюка и, не рискуя поднимать муровину в воздух, волоком втащил на стальной лист пены. Снял тросы, прибрал запаску в башню, лишь затем поинтересовался:

– Куда теперь?

– Куда-нибудь, где сухо. Я же говорю – у меня от ваших жидкофазных систем реинкарнаторы забухли. Сохнуть надо часов десять...

– Ишь чо захотел!.. – Казин покачал головой. – Сухо тебе не будет. Там – Марьин ручей, а там и вовсе болото Неодолимое. Другого места для посадки выбрать не мог?

– Это я от радости, что тут столько коллоидов... вот голову и потерял.

– А нечего рот разевать на чужие коллоиды, – на всякий случай сделал выговор Казин. – Жадность до добра не доводит. Что мне теперь тебя, десять часов на пене сушить? – Ка-

зин почесал темя, соображая, что домой всё равно не успева-
ет, и добавил: – Оно, конечно, можно, но за отдельную пла-
ту. Только учти, деньги ваши я в гробу видал, их, поди, и не
обменяешь. Долларами плати или барахлом. У тебя в хозяй-
стве небось много чего имеется. Гони запасной комплект и
сохни хоть до завтра.

– У меня нет запасного комплекта... – убито признался
блудный син. – Всё оборудование уникальное.

– Не рубишь ты в жизни, паря, – посочувствовал Казин. –
Не понимаю, как ты до наших краёв добрался, раньше не
засел где-нибудь. Ну что с тобой делать – сымай что там у
тебя уникального есть. Дома новое закажешь.

Тщедушный син вздохнул и покорно полез в муровину за
инопланетной техникой. На этот раз он вынес из недр до-
вольно объёмистую штуку совершенно нетехнического вида.
Больше всего она напоминала абажур, и даже приспособы,
чтобы вешать на крюк, у неё имелись.

– Что за фигулина? – предусмотрительно поинтересовал-
ся Казин.

– Полевой синтезатор «Модус»! – доложил син.

– Полевой или половой? – уточнил механизатор.

Астротурист схватился было за карман, но, вспомнив, что
транслитератор больше ему не принадлежит, пояснил:

– Полевой. Есть такая наука – теория поля.

– Что ж я, не знаю?.. – Казин презрительно оттопырил гу-
бу. – Я эту науку всю как есть превзошёл. С детства в поле.

Питание у твоего синтезатора автономное?

– Ему не нужно питание, он от ментального поля задействован.

– Понятненько, – уверенно протянул Казин, пристроил «Модус» на боковом стекле и взялся за рычаги. – Потом покажешь, как им пользоваться. А теперь – держись крепче, поедem к бытовке, а то ночью тут столько коллоидов будет, что ты и сам забухнешь.

Глава 4

Полевой синтезатор «Модус»

К бытовому вагончику добирались минут сорок пять. Можно было бы и пошустрее, но Казин опасался купать неводостойкую муровину в глубоких лужах и выбирал места поплотнее. Конечно, син ни хрена не сечёт, но у Казина с этим было строго: взялся делать – делай по совести. Конечно, ещё подумать стоит, что за модус он выторговал, но раз вещь взята – отрабатывай.

День клонился к вечеру, на дороге, выглаженной до блеска проташенной пеной, рядами сидели лягушки. Они чувствовали себя здесь хозяевами, не без оснований полагая, что болото существует для них. При виде крана лягухи начинали суматошно прыгать, и некоторые сигали прямо под гусеницу. Вид из кабины на мечущихся лягушек не пробуждал в Казине никаких эмоций.

Как и предполагалось, бытовка была пуста. В былые дни Лёха и Воха, случалось, ночевали в ней, но сейчас оба подсобника ушли, даже не переодевшись.

Кран Олег припарковал на всегдашнее место, так, чтобы с утра можно было развернуться, не отцепляя пену. Заглушил двигатель, привычно изумившись упавшей тишине. Отомкнул замочек – бытовка запиралась, хотя ключ был у каждого. Следом за Казиным осторожно ступил в вагончик

и син.

– Сухо... – заворуженно прошептал он. Глаза сина мерцали в полутьме.

– Сейчас ещё и тепло будет, – сказал Казин.

Раскочегарил паяльную лампу. Намыл картошки, построил к паяльной лампе, чтобы варилась. Зажёг висящий над столом керосиновый фонарь. Всё, кроме фонаря и алюминиевого бидона с водой, пришлось приносить из башни. Оставляя что бы то ни было в бытовке Казин не решался – мигом ноги приделают, даже старью – ветошь всем нужна. Вот пятидесятилитровый бидон куда стоит, в нём воду привозят. Надо будет ближе к концу сезона его прибрать, а то ведь пропадёт ни за грош.

Покончив с неотложными делами, выставил на стол полевой синтезатор и потребовал:

– Показывай, как он работает и чего делать умеет.

– Всё умеет, только не по-настоящему, – зелёный син загнул пару лепестков на абажуре, – вот сейчас на пятнадцать минут сделает, а как время пройдёт, то обратно ничего не будет, – син блеснул глазами и спросил: – Как надо говорить – обратно или опять?

– По новой, – откликнулся Олег, стараясь запомнить движения инструктора.

– Скорее уж, по старой, – син крутанул пальцем венчик синтезатора. – Сейчас сделает.

– Чего сделает-то?

– Всё. Но на пятнадцать минут.

Взгляд блудного сина поплыл, заволокся мечтательной плёнкой.

– О светозарнейшая, всежеланная синоматка! – затянул он. – Наконец счастливая судьба позволила мне вернуться в твоё щедрое лоно!

– Будет тебе, успеешь к своей свиноматке, – задумчиво проговорил Казин, разглядывая нетронутую акцизную марку на горлышке «Столичной». По всему было видно, что водка не палёная, а настоящая ливизовская, какой в ларьке не вдруг купишь. – Давай-ка лучше по первой, под буженинку...

Глава 5

Кармен районного масштаба

Ганну, жену Олега Казина, звали Агапой – имя редкое и неблагозвучное, доставшееся от прабабки, которую Ганна и знать не помнила. На этот случай среди русских женщин имеется традиция – брать малороссийские имена, ибо те искони считаются музыкальными. Прасковьи и Пелагеи дружно перекрещиваются в Полины, тётки Гапы оборачиваются Ганнами и лишь Ксюши становятся Оксанами через две на третью.

Жизнь Ганне выпала трудная. Если посчитать, то сколько в селе толковых мужиков, чтобы не только толковать на завалинке умели, но и хозяйственными были да не пропойцами? Десятка полтора наберётся, ну, может быть, – два. А баб одиноких – выше крыши. А если учесть, что Олег к сорока пяти годам сохранил в волосах цыганистую смоль и кудреватость, то всякому станет ясно, о чём были печали казинской жены. И ведь, подлюга, по улице просто не пройдёт, всякую юбку зацепит, и старушке и сопливочке шутку скажет. А те так и глядят, как бы чужого мужа увести.

Особенно худо стало, когда Людкин Витяй по пьяному делу захлебнулся собственной блевотиной. Людка баба горластая, грудастая, боевая – такие без мужиков не живут. У Ганны ажно заходило всё внутри, когда она о Людке вспоми-

нала.

Галка, та, напротив, худющая, одни мослы торчат. А взглядом тоже постреливает. На майских прямо при людях к Казину подкатила... под ручку взяла, чем, говорит, мы не пара?.. Ганна ей тогда показала, какие пары бывают – пару раз так зафитилила, что пар пошёл. Да и Олегу тоже кудри проредила. А что у самой глаз заплыл, так она и одним зорко видит.

Ещё, говорят, в колонне объявилась какая-то учётчица. Из Копорья... Ну что, спрашивается, ей в своём Копорье не сидится, ведь это ж подумать только, в такую даль на работу мотаться! Зачем?.. Это уж ясно, зачем, не маленькие, понимать можем. Учётчицы Ганна покуда не видела и оттого пылала самыми мрачными подозрениями. Попыталась было Казину мозги прочистить, так тот назло, что ни день, принялся на объекте задерживаться. А то и вовсе в бытовке ночует. Знаем мы эти бытовки, наслышаны...

Короче, покоя не было. А тут ещё попались Ганне на встречу Олеговы подсобники, Воха и второй – длинный. Сказали, что Олег их отпустил раньше времени, а сам задерживается. Пересмеивались, алкаши проклятушие. Тут уже Ганне всё стало понятно. Да и чего не понимать-то, давно к этому шло. И хотя дело было ясным-ясенько, но Ганна собралась и отправилась к Марьину ручью, твёрдо решив взять изменщика с поличным.

Где стоит бытовой вагончик, Ганна знала хорошо, не раз

случалось проверять, чем там муженёк занимается. Бывало, что вагончик перекатывали на новое место, а Олег об этом умалчивал. Тогда ему вставлялся фитиль. Во время таких разборок порой отлетало и Ганне, но это уже дело житейское – крепко бьёт, крепко любит.

Уже в полутьме Ганна добралась к мокрой канаве, где трудился её суженый, и, стараясь не вспугнуть преступника, заглянула в крошечное окошечко, врезанное в вагонную дверь.

Преступные мечтания Олега Казина не шли дальше халвяной водки под хорошую закусочку, но полевой синтезатор «Модус» работал на полную мощь и показал излишне любознательной супруге всё, что она втайне желала увидеть. Не зря переспрашивал злосчастный экскаваторщик, что за модус ему подсунули. На этот раз синтезатор с полным правом можно было назвать «половым».

Они были здесь – все разом! И в каком виде?! Даже нынче такое по телевизору показывают только среди ночи!

Казин в чём мать родила сидел посреди вагончика на круглой табуретке, которую только сегодня утром Ганна безуспешно разыскивала. Сволочь, всё из дома тащит, всё для разврата! На коленях у Казина расселась коровища Людка, тоже вся как есть голая, и Казин, гнусно лыбясь, лапал Людку за сиськи! Стерва Галка примостилась рядом. Эта-то зачем раздевалась, кого она своими прыщиками соблазнить хочет? А туда же, льнёт к чужому мужу, ручонкам шаловливым волю даёт! – Ганна с трудом набирала в грудь воздух для кри-

ка... А хуже всего – третья, не иначе – учётчица; молодая потаскуха, лет двадцати пяти, намазанная по-городскому, ноги от самых ушей начинаются. И была она не совсем голышом, а в кружевных трусичках. В таких интердевочек в кино показывают. Учетчица прогуливалась перед Казиным словно манекенщица по подиуму и явно собиралась трусики снимать.

Голос наконец прорезался, Ганна с истошным воплем рванула дверь, воплощённым возмездием явившись перед участниками оргии.

Казин, спихнув с колен Людку, вскочил. Опрокинутая табуретка отлетела в сторону. Учёная Галка ойкнула и полезла под стол. Лишь учётчица-манекенщица, не чая беды, с презрительной усмешечкой глядела на явившуюся супругу. Вот этой-то иногородней шлюхе и досталось в первую руку. Ганна подхватила удачно подвернувшуюся табуретку и с маху огрела развратницу по башке. Замахнулась было второй раз, но сисястая Людка, взбултыхнув выменами, подскочила и вцепилась Ганне в причёску. Пришлось бросить копорскую стерву и отоварить табуреткой подруженьку. Потом досталось и Галке, сдуру поверившей, что численное преимущество может принести победу. Учётчица пыталась вырвать из Ганниных рук оружие, но легче было казинский кран с места сдвинуть, озверевшая супруга мёртвой хваткой вцепилась в украденную мебель и охаживала соперниц по голому, так что шлепки разносились далеко окрест.

И вдруг полыхнуло перед глазами, и Ганна, отворив дверь

спиной, вылетела из вагончика. Чугунный мужнин кулак в одно мгновение запечатал ей рот.

Оскальзываясь в грязи, Ганна поднялась. Казин чёрным силуэтом выделялся на фоне распахнутой двери. Торжествующая учётчица выглядывала из-за его плеча.

– Съела, дура? – глумливо закричала она. – Мотай отсюда, пока цела!

Казин обнял растелёшенную учётчицу за талию и, коротко хохотнув, захлопнул дверь.

Чего угодно ждала Ганна, но только не этого. Конечно, случалось ей пробовать мужниного кулака, но чтобы вот так, со всей силы, да ещё когда сам виноват!.. За шлюху заступился. Значит, жена ему больше не жена и ничего тут уже не исправишь.

Не разбирая дороги, прижав к груди спасённую табуреточку, Ганна похромала прочь от замолкшей бытовки. Если бы вдруг вздумалось ей вернуться и заглянуть сквозь стекло, то не увидела бы она там ни Людки, ни Галки, ни придуманной копорской дивы. Проклятый «Модус» кончил работать, и пропали видения, опустел вагончик, лишь противнозелёный син трёт ручишками мордочку да Казин, очумело тряс головой, облизуется, с трудом понимает, что не было ни выпивки, ни закуски, и со вздохом принимается сливать перекипевшую картошку.

Не видит этого убитая горем Ганна, не замечает даже, что круглая табуретка куда-то исчезла, и губы целёхоньки – по-

сле такого-то удара! Бредёт домой, судорожно соображая, что дома у неё больше нет. Даже если вернётся Казин поутру, нельзя его прощать. Двадцать лет прожили вместе, и всё порушил поганный бабник! Ну и пусть живёт с этими, со всеми тремя разом... а она к маме вернётся. Двадцать лет назад пришла она к Казину, девчоночкой в зелёном беретике. Берет и сейчас висит в сенцах на гвозде, у хорошей хозяйки ничто не пропадает. Теперь в доме будет хозяйничать учётчица, а Ганна уйдёт...

Эх, бабы-дуры, не меняйте богоданных имён! Да разве могло такое приключиться с деревенской тёткой Агапой? Вот Ганне такие беды в самый раз.

Входит Ганна в дом, не глядя, берёт берет и выходит на улицу. Пропадай всё хозяйство, пусть учётчице достается и Людке с Галкой. В чём пришла, в том и уйду.

Как было спето в оперетте: «Кто там в зелёновом берете?»»

Глава 6

Три карты, три карты, три карты!

– Ничего не скажешь – купил кота в мешке! – сокрушался Казин. – На что мне твоя киношка, ежели после неё ни сытости, ни похмелья? Баловство одно.

– Хороший синтезатор избирательного действия, – не уступал син. – Эта модель «Модуса» очень дорого стоит.

– Да уж не дороже телевизора «Сони», – Казин уже сообщил, как можно использовать «Модус», и продолжал ворчать больше для виду. – Ну ладно, я не отказчик, поставлю дома, пусть бабе голову дурит. Картошку жрать будешь?

Инопланетчик покачал головой и опасно отодвинулся от кастрюли.

– А я поем, – произнёс Казин, перебрасывая горячую картошину с ладони на ладонь, – а то после твоего угощения брюхо подвело.

Покуда Олег ужинал, син сидел, забившись в угол, и печально посверкивал глазками на бывший свой синтезатор. Казин слопал штук восемь картошин и обвёл бытовку скупающим взглядом.

– Спать ты небось тоже не умеешь, да и обидно было бы дрыхнуть в такой-то день. – Казин взял с края стола пухлую колоду карт, в которые Воха и Лёха во всякую свободную минуту азартно резались в «очко». – Может быть, в картиш-

ки перекинемся? В «очко» я играть не стану, а побурить по маленькой было бы неплохо... А то – на спички, – Казин высыпал на стол коробок спичек и разделил на две примерно равные кучки.

Учеником син оказался превосходным, он с первого раза понял несложные правила «буры» и за полчаса выиграл у Казина все спичины. И это при том, что скрывать чувства инопланетник напрочь не умел. Когда приходила негодная карта, личико его вытягивалось, он морщился, вздыхал печально и чуть что ни плевался. Зато если карта пёрла, круглые глазки сина начинали блестеть особенно ярко, а четырёхпалые руки, которыми больше трёх карт и не удержишь, принимались азартно дрожать. Но при этом он ни разу не удвоил ставки, если у Казина на руках оказывалось хоть на одно очко больше, так что все спички неуклонно, одна за другой перекочевали к инопланетчику.

– Чего ж ты не удваивал? – злился Казин, предъявляя крюк против синовских пятнадцати очков. – У тебя же хорошая карта!

– Но у тебя лучше, – пискливо отвечал инозвёздный гость. – Удвоил бы и проиграл со своей хорошей картой в два раза больше...

«Подглядывает!» – решил Казин.

– Ничего я не подглядываю! – обиженно заявил син.

Казин вздрогнул, но ничего не сказал. Сдал по три карты, открыл козыря, выставил на кон предпоследнюю спичи-

ну, поднял карты, так, чтобы при всём желании син не мог ничего увидеть. Первой картой шла никчемушная девятка червей. Осторожно сдвинул карту. Следом явился валет крестей.

«Картёшечка...» – сохраняя непроницаемое выражение лица, подумал Казин.

– Картёшечка это как? – поинтересовался син, всем видом показывая, что ему карта привалила.

– Картёшечка как картошечка, – задумчиво выговорил Казин. Потом он поднял голову и спросил ошеломлённо: – Так ты что, мысли мои подслушиваешь, что ли?

– А как же!.. – ничуть не смущаясь, признался син. – Должен же я у тебя выиграть.

Казин, не глядя на третью карту, удвоил ставку, син тут же уравнил и предъявил четырнадцать очков. Даже если бы у Казина пришёл туз к открытому валету, при таком раскладе он всё равно проигрывал бы.

Син, довольно урча, упикивал спички в коробок.

– Ты погоди, – сказал Казин, – мне же прикуривать надо.

– Моё! – твёрдо постулировал син. – Я их выиграл.

– Что же мне, до завтра без курева сидеть? – возмутился Казин. – Хотя бы половину отдай, ты же на мои играть начинал.

– Нет. Ты сам в начале игры сказал, что половина спичек мои.

Син спрятал спички в нагрудный кармашек, туда, где

прежде лежала малявина.

– Хорошо... – протянул Казин. В голове созревала мысль, которой он боялся дать чёткое определение, чтобы син не рассёк её прежде времени. – Хорошо... значит, придётся до завтра терпеть...

– Я же сижу без синтезатора, – словно специально подыграл Казину син. – Если хочешь, я весь коробок поставлю против синтезатора.

– Ха! – Казин даже не посчитал нужным скрывать презрение. – Спичкам цена копейка, а за твою фигулину я целую ночь отрабатывать должен. Сидел бы сейчас дома, а не сушил бы тебя вместе с твоей тарелкой.

Казин поднялся, пошарил на полке со всякой ерундой, нашёл старую, ещё советской чеканки копейку. Когда-то этих копеек валялась тут целая пригоршня, рабочие играли на них в свободную минуту, а потом сваливали обратно на полку. Теперь монетки растерялись, но одну Олег всё же сыскал.

– Вот это и есть копейка, – внушительно произнёс хозяйственный крановщик, щелчком выкладывая монетку на стол. – Будешь играть?

Син оглядел копеечку и решительно брякнул на стол коробок.

Сдали карты. Казину выпал марьяжик, а у сина явно ничего не было.

«Хороша парочка, баран да ярочка», – на пробу мысленно произнёс Казин.

– Марьяж, что ли? – переспросил догадливый син и сбросил, не удваивая ставки.

– Трефовый, – признал Казин, сгребая отыгранный коробок. – Ну что, пошли по-крупному? Что ставишь против фигулины?

Син вскочил и побежал к астроходу.

– Две бери! – крикнул вдогонку Олег. – Ежели удваивать придётся, я малявину поставлю!

– Вот! – син выставил на стол радужное полушарие.

– Что за штуковина? – предусмотрительно спросил Казин, хотя уже внутренне решил брать всё без разбора.

– Климатизатор. Любую атмосферу в корабле сделать может.

– Ага. Это вроде как кондиционер? Потом научишь, как им пользоваться.

– Выиграешь – научу.

Син принялся тасовать колоду. Казин зорко присматривался, чтобы инопланетный паршивец, не дай бог, не передёрнул. Ожегшись на молоке, дуют на воду, а Казин как-то семь рубликов спустил, севши с Лёхой и Вохой сыграть по копеечке. С тех пор играть на деньги с подсобниками Казин зарёкся. Сами чернорабочие играли по-чёрному. Были они мужики сиделые, Лёха так даже дважды. Конечно, до шулеров им далеко: птицы невысокого полёта – бывшие бакланы, давно взявшиеся за ум, обратившиеся в простых ханыг и перебивавшиеся мелкой тащиловкой. Но играть с ними всё

равно можно только без башлей, на просто так. Кто в зоне бывал, тот карты видал. Передёргивает, что и не поймёшь, когда нужную карту вынимает. Лёха показывал потом, как он это делает, так что несмышлёнышу и Казин мог бы башку задурить, но сейчас он следил лишь, чтобы зелёный син не мухлевал. И без того, попробуй сыграть против того, кто твои мысли слышит.

Син кинул по три карты, открыл козырями бубны. Казин взял свои карты, развернул, не глядя. Син выжидающе смотрел на непроницаемую казинскую физиономию.

«Вот ты и продул свою шутовину...» – мысленно произнёс Казин, удваивая ставку.

Син сморщился и бросил карты. Казин с довольной ухмылкой переставил шутовину на свою половину стола. Син тем временем быстро протянул ручонку и перевернул казинский бор.

– Ты меня обманул! – задребезжал он возмущённо. – У тебя на руках вообще ничего не было! Три девятки!

– Когда это я врал? – нахмурился Казин.

– А что ты только что подумал?

– Что хочу, то и думаю. Я не для тебя думал, а для себя самого.

– Всё равно ты меня обманул!

– Ни хрена! – Казин для убедительности пристукнул ладонью по столу. – Я что подумал, что у меня карта сильнее? Нет, я подумал, что ты проиграл. А ты выиграл, что ли? Сам

же карты бросил, я тебя за руку не тянул. Значит, я правду подумал. Так?

– Так... – убито согласился син.

Потом глазёнки его засверкали, и на кон был выдвинут механизм, который Казин уже окрестил фиговиной.

– Ещё будешь играть?

– Ты вроде обещал научить, как твоим добром пользоваться.

– Вот он научит, – син кивнул на фиговину. – Это дидактор. Одну цапфу на лоб, другую на климатизатор, и тут же поймёшь, как он работает. А если что поломано, то узнаешь, как исправить.

– Холодильники чинить он может?

– Всё может.

– Тогда – валяй. – Казин смешал карты. – Эх, парень, не за то отец сына бил, что тот в карты играл, а за то, что отыгрывался.

– Сина бить нельзя! – твёрдо заявил косможитель. – Я гражданин Галактики и пользуюсь правом личной неприкосновенности.

– Сама себя раба бьёт, что нечисто жнёт, – Казин твёрдо вознамерился говорить только общими фразами.

Покуда син бегал в муровину за новыми вещами, Казин успел опробовать ещё не выигранный дидактор и убедился, что тот и впрямь в полминуты научает, и как работает малявина, и как пользоваться штуковиной. Син вернулся, волоча

буровину в половину своего роста.

– Автонавигатор! – объявил он, не дожидаясь вопросов.

– А как же твоя тарель без него полетит? Сам, что ли, за рычаги сядешь?

– Сам и сяду! – отрезал син. – Не маленький!

– Тогда поехали! – Казин споро раскидал карты.

Пришли десятка с валетом всё в тех же трефах.

«Карта не лошадь, к утру повезёт!» – заглушая радость, подумал Казин.

Судя по выражению зеленорылого лица, у сина на руках были сущие слёзы. Но всё же син выдвинул на середину вагончика навигатор и, чётко выговаривая слова, произнёс:

– Вот ты и продул свою штуковину.

– Это мы ещё поглядим, – заметил Казин, выставя малявину против буровины и выкладывая карты крапом вниз.

– Ты зачем уравниваешь? – закричал неуравновешенный син. – Я же сказал тебе, что ты продул!

– А я сказал, что я выиграл, – Казин переложил дидактор к себе на топчан и принялся откантовывать буровину в дальний угол.

– Теперь из-за тебя получается, что я соврал? – на сина было жалко смотреть.

– Ну что ты... – успокоил щепетильного партнёра Казин. – Ты не соврал, ты просто ошибся. А я тебя поправил. Ещё играть будешь?

– Буду! – визгнул синюшный син и побежал за новыми

ставками.

Теперь син уже не пытался блефовать, так что дурылину (мини-гравитатор) Казин выиграл лишь с третьего раза. Следом ушлый механизатор оторвал дуровину, штукенцию, хренулину и ещё несколько предметов, каждому из которых тут же давалось название.

«Туз, он и в Африке туз», – талдычил Казин, выдвигая дуровину против хреновины – портативного пищеблока, рассчитанного на любой метаболизм, какой только бывает в Галактике.

– Ты говорил, туз в Африке, – бесновался проигравший син, – а он у тебя на руках! Скажи, где тут Африка, где?

– Во-первых, тузов в колоде четыре, – резонно отвечал Казин, – а у меня на руках только один. А во-вторых, даже если бы мы сейчас в Африке сидели, туз всё равно дамочкой не оборотился бы. Резонно? Тогда ставь халявину и что там у тебя осталось...

– Ещё катапульта осталась.

– Оружие, что ли? А у тебя лицензия на неё есть?

– Это не оружие. Это спасительная катапульта. Если случится катастрофа, то надо в неё залезть, и она тебя мигом домой вернёт, к синоматке.

– А ко мне домой может?

– Нет, она раз навсегда настроена.

– Такая бандурина мне ни к чему... – Казин окинул захламленный инопланетной техникой вагончик и решил: –

Ладно, давай и бандурину.

Не сразу и со скрипом, но и халявина, и спасительная бандурина очутились в рачительных казинских руках. Обессиленный син тоскливо озирал бывшее своё имущество..

– Ещё? – спросил Казин.

– У меня больше ничего нет.

– В долг не играю, – объявил Казин и принялся задумчиво тасовать колоду.

«Он меня пичкой, и я его пичкой», – думал он предохранительную мысль.

Потом предложил:

– Трус в карты не играет. Ставь муровину против половины всего барахла.

– Астромобиль? – ужаснулся галактотурист.

– Ну да, муровину.

– Ни за что! – Син задрожал, словно осиновый лист. – Я же домой попасть не смогу!

– А хочешь, – предложил Казин, глядя в глаза сину и незаметно прокладывая карты, как учил дважды сидевший Лёха, – я сначала тебе сдам и ты будешь ставку делать, уже карты поглядев?

– А если не захочу ставить?

– И не ставь. Была бы честь предложена.

– Тогда давай! – решился син.

Казин, стараясь не выдать себя, раскидал карты.

«Кто не рискует, тот не пьёт шампанское, – твердил он как

молитву. – Знал бы прикуп, жил бы в Сочи».

Син дрожащей лапкой коснулся своих трёх карт, сложил их вместе, осторожно глянул на первую, сдвинул её, чтобы стала видна вторая, затем третья. Глазёнки запылали от азартной жадности. Теперь Казин не сомневался, что сумел сдать сину червонный крюк. Двадцать одно очко на червях, это можно перебить только бурой. И всё же син колебался.

– А что у тебя? – спросил он.

– Ещё не смотрел, – честно ответил Казин.

– Так посмотри.

– Зачем? Мы договаривались, что только ты заранее смотришь. Я ставил не глядя. Так идёшь, или это всё моё?

– Ставлю астромобиль! – отчаянно закричал син.

– Тогда подтверждай. – Казин усмехнулся, сообразив вдруг, что раз у тинокожего ничего больше нет, то и ставку свою он подтвердить не сможет. А это значит, что Казин, у которого оставались в запасе малявина, штуkenция, хренулина и ещё пяток механизмов, выиграл, даже не открывая карт. – Чем удваивать будешь?

Инопланетчик тоже сообразил, в какой переплёт он попал. Заметался, засучил ручонками... спросил с тоской в голосе:

– А без удвоения нельзя?

– Нет, – отрезал Казин. – Правила, это закон! Или подтверждай, или бросай карты.

– Подтверждаю... – хрипло выдавил син.

Казин скорбно поджал губы. С этими инопланетскими держи ухо остро! Им лишь бы честного человека обдурить. Он так и знал, что не пустым остался блудный сын, что-то у него в загашниках да есть. Не сохрани Казин половину выигрыша, сам бы сейчас попал в дурацкое положение.

Син тем временем разлепил ворот комбинезончика и стянул с шеи крошечную бирюлинку, висевшую на почти невидимой нитке. Всей величины в бирюлинке было с копейку, хотя блестела она и переливалась не хуже голографической этикетки на непокупаемой дорогой водке.

– Что за... – привычно начал Казин, запнулся, обнаружив, что словарный запас его иссяк, но сделал мощное усилие и изобрёл-таки слово: – Что за кчемулина?

– Удостоверение на право гражданства, – торжественным шёпотом произнёс син.

– С ума спрыгнул? – возмутился Казин. – Паспорт и в залог-то брать нельзя. Что я с чужим удостоверением делать буду?

– Оно не чужое, – возразил бледный до серого син. – Оно на предъявителя.

– Ну-ка, – Казин коснулся искры анализирующей цапфой фиговины. – Верно говоришь... Так, на предъявителя... насильственному изъятию не подлежит... а перенастройка как делается?... Ага, понял. Ладно, клади свою кчемулину. Иду на всё!

Син окинул пристальным взглядом бывшее своё имуще-

ство и тоном мультяшного мужичка заявил:

– Маловато будет! Знаешь, сколько удостоверение стоит?

Казин на мгновение задумался и добавил копейку.

– Теперь в самый раз, – строго сказал он, предупреждая возможные споры.

– Всё равно маловато! – упорствовал син.

– Не хочешь, не соглашайся, – Казин пожал плечами. – Забирай свой паспорт и проваливай.

– Спички тоже гони, – неуклонно потребовал син.

– На, жмот, подавись! – Казин брякнул коробком о доски стола.

– Крюк! – возгласил син, выкладывая перед Казиным туза и десятку червей.

Хотя Казин сам подмешал сину такие карты, внутри стало неуютно. Казин осторожно поднял свой бор. Внизу лежала Акулина, следом пришёл пиковый валетик и, наконец, туз, тоже козырный. Не пропали зря Лёхины уроки.

– А ведь у меня – бура, – мягко произнёс Казин, глядя в оторопелое синовское личико. – Пролетел ты, парень, со своим гражданством.

Глава 7

Фанера над Парижем

Держать удар судьбы син не умел. Личико его пошло всеми цветами побежалости, а следом случилась истерика. Казин даже хотел бежать в кран за аптечкой. В аптечке у него хранилась настойка йода, старый, многократно стиранный бинт и пузырёк с нашатырным спиртом, которым случалось по утрам вытрезвлять чернорабочих. Именно это проверенное лекарство Казин и собирался пустить в ход. По счастью, вспомнил про штуkenцию – лечебно-диагностический комплекс – и использовал его. Син затих, лишь причитал время от времени, поминая синоматку и родную Синляндию.

– Да не будь ты бабой! – грубовато успокаивал Олег хлюпающего носом приятеля. – Я ж тебя предупреждал, что продуешься. Ну ничего, у нас тут тоже люди живут. А то в город поедешь, в цирк поступишь. На тебя, знаешь, как народ ломиться будет? «Аншлаг» называется.

Син не слушал и продолжал похныкивать.

Наконец Казину это надоело, и он устроился на топчане, будто бы спать. На самом деле остаток ночи поглядывал сквозь полуприкрытые веки, не выкинет ли обобранный галактопроходец какого-нибудь фортеля. Угонит муровину, и лови его потом. В ГАИ с таким делом не обратишься. Опять же, повесится сдуру – тоже хлопот не оберёшься. Однако

ночь прошла спокойно, сину то ли в голову не пришло противоправно воспользоваться чужим, то ли медицинская ситуация лишила его возможности активных действий.

Субботним утром невыспавшийся Казин выполз из вагончика. Муровина, потеряв всю свою внушительность, бесформенной кучей громоздилась посреди пены. Утренняя роса густо покрывала её. Казин досадливо покачал головой и с дидактором в руках принялся изучать доставшееся богатство. Син с несчастным видом таскался следом и стонал что-то про свою матушку.

– На жалость давишь? – злился Казин. – А кто тебя заставлял продуваться дотла? Сиди теперь, жди, пока за тобой спасательная экспедиция прилетит.

– Не прилетит!.. – заливался слезами син. – Служба спасения только за гражданами прилетает, а я теперь не гражданин...

– Ну, парень, у вас и нравы!.. – выговаривал Казин. – С живым человеком так обойтись только потому, что он паспорта лишился. Волчьи у вас порядки! Я бы на твоём месте плюнул на такую Галактику. Устраивайся у нас. Гляди, красотыща кругом! Простор! А воздух какой, а?..

Син с трудом выдёргивал лапки из глины и явно никакой красоты не видел.

– О синоматка!.. – ныл он с теми же интонациями, с какими итальянские трагики восклицают: «О мама миа!» Казину уже начинало чудиться, что его на спектакль затащило.

– Кончай скулить! – наконец разозлился Казин. – Подумаешь, застрял у нас... В деревне тоже люди живут.

– Но я не человек, – резонно возразил син. – Я тут жить не смогу.

– Смо-ожешь!.. – пообещал Казин. – Не умеешь – научим, не хочешь – заставим.

Поднявшееся солнце согнало росу с боков муровины, и Казин, убедившись, что забухшие реинкарнаторы просохли за ночь, принялся стаскивать в космоплан выигранные хреновины и хренулины. Муровина раздувалась, принимая прежние внушительные очертания.

– О синоматка! – голосил пришелец.

– Чего она тебе далась? – не оборачиваясь, спросил Казин, изучая режим временной консервации муровины. – Хрюкает небось...

– Хрюкает! – восторженно подхватил син. – О, как божественно она хрюкает!

– У меня, вон, Борька в хлеву тоже хрюкает. И ты, заведёшь поросё – и наслаждайся. А потом сала накоптишь. Сало – это вещь, не то что твоя трансцендентальная жрачка.

– Я не ем сало, – возразил син. – У меня совершенно иной метаболизм.

Казин прибрал на место всё, кроме дидактора, и включил режим консервации. Раздалось громкое шипение, муровина сдулась, как проколотый пузырь. Казин скатал муровину в рулон и упрятал в заплечный мешок, с которым на всякий

случай не расставался, выходя из дома. Пустой рюкзачок – не великая тягота, а ежели разживёшься чем-то полезным, то тара всегда под рукой. Вот как сейчас, например. Дидактор Олег прибрал отдельно. Конечно, крановщик, это не простой механизатор, он во всякой машине с закрытыми глазами разберётся, но всё-таки лучше, если обучающая фиговина будет под рукой, а не в законсервированном космолёте.

– Идём, что ли? – обратился он к безутешному сину. – Сегодня выходной, на объекте работы не будет, так я тебя до деревни провожу. А дальше уж сам как-нибудь. Беженцем скажешься или ещё что...

Син продолжал рыдать и, кажется, даже не слышал, что ему говорят. А Казину вдруг явилась простая и неприятная мысль: ведь сина не спрячешь, а это значит, что понаедет толпа всяких бездельников, начнут выпрашивать и вынюхивать, а син, ясен пень, молчать не станет. Отнимут нажитое, как пить дать, отнимут. И неприятности могут быть. Конечно, сейчас дружбу народов и прочий интернационализм отменили, но наверняка найдутся желающие обвинить человека в каком-нибудь смертном грехе. Да и просто сина жалко.

Казин был жёсток, но не жесток, и то, что син рыдал не по барахлу, а по своей матке, тронуло механизаторское сердце.

– Вот что, – Казин сбросил рюкзак и принялся распаковывать его. – Не хнычь. Отправлю я тебя домой. Муровину не отдам, не надейся. А катапульта твоя мне всё равно без

надобности. Садись и лети с ветерком.

– Мне заплатить нечем, – не веря счастью, прошептал блудный син.

– За кого ты меня держишь, зеленяка? – обиделся Казин. – Что же я, не понимаю? Я тебе так, по дружбе. Хинди-руси пхай-пхай! Понял?

Опасаясь за целостность реинкарнаторов, Казин расстелил муровину не на земле, а на стальном листе пены и включил компрессор. Эта штука вроде как движок у трактора, чтобы раскрутить дизель. Инопланетная техника от нашей и не отличается почти, только проходимость у неё, по сравнению с хорошим болотником, слабовата. Чуть что – намертво забухнет.

Через минуту муровина приобрела прежние внушительные размеры. Казин уже привычно нырнул в люк, поднатужившись, выставил на улицу бандурину.

– Давай, – сказал он сину, – действуй! Или это тоже я должен?

Син подбежал к бандурине, захлопотал, готовя её к пуску. Потом вскочил на приступочку. Бандурина окуталась сапфировым облаком защитных полей.

«Ишь как зашустрил... – с обидой подумал Казин. – Хоть бы для приличия спасибо сказал или попрощался по-человечески».

Возможно, син услышал недовольную мысль или просто пробудилось в нём доброе чувство, но он помахал Казину

лапкой и произнёс:

– У тебя теперь есть хороший астролёт и галактическое гражданство, поэтому мой тебе совет: собирайся и улетай отсюда как можно скорей.

– Зачем это? – не понял Казин.

– Тут дикая, ничейная земля. Но я ещё вчера застолбил её, оформив заявку на своё имя, так что теперь она принадлежит мне, а я собираюсь пустить её в переработку. Скоро здесь не останется никаких жидкофазных систем.

– Что?! – взревел Казин, бросаясь вперёд. – А ну, стой, сукин сын!

Голубой свет плеснул ему в глаза, подставка на бандурине опустела.

Книга вторая

Лягухи на дороге

Веселится и ликует весь народ!
Н. Кукольник

Глава 1

Оставляется вам дом ваш пуст

Долго возмущаться Казину было некогда. Конечно, син вместе со своей свиноматкой оказался сукиным котом, но уже давно известно, что ни одно доброе дело не остаётся безнаказанным. Впрочем, даже если и застолбил поганец землю, это ещё ничего не значит. Тоже мне, нашёл ничейное добро... АО «Дубрава» так просто от своих планов не откажется, а ребята там собрались крутые. Уж как-нибудь потянутся с зеленорылыми тарелочниками. А хоть бы и уступили – чему Казин втайне был бы рад, – что с того? Всё равно, без Казина у сина ничего не получится. Что он, технику и рабочих из Синляндии повезёт? Так его на таможне облупят почище, чем вчера. Да и что у них за техника? Электроника, конечно, клёвая, с этим за бугром всегда нормально, а вот как настоящая техника в здешних болотах забухает, Казин

уже видал. Так что никуда син не денется, прибежит в ПМК, народ нанимать. А это значит – импортный заказ. Так что всё на свете к лучшему.

Под такие мысли Олег дошагал до дома. Первым делом потихоньку проник в сарай, который именовался гаражом, хотя машины у Казина вовек не бывало, и оставил пухлый рюкзак под верстаком. Незачем Ганне туда заглядывать. И лишь потом вошёл в дом...

...и долго не мог понять, что случилось...

Погром встретил его. Зона стихийного бедствия. Словно торнадо прошел по кухне и двум уютным комнатам, а следом – взрыв Кракатау и террористическая акция бомбистов. Казинские вещи были вывалены из шкафа и комода, и всякая рубаха распорота от подола до самого ворота. Зеркало, висевшее в простенке, и посуда в серванте зверски расколочены, и даже зеркальный шкаф, купленный в последние предперестроечные годы, развален ударами топора. Должно быть, с такою же ненавистью ликующий вандал громил античные статуи.

И нигде ни единой Ганниной вещи.

Олег Казин ничего не знал об индонезийских вулканах и анархических движениях начала века. И когда в школьные годы его одноклассники знакомились с удручающими событиями середины пятого века, Олежек, укрывшись за поленницами на школьном дворе, изучал пригодившееся позднее искусство игры в «буру». Так что обычаи германского пле-

мени вандалов тоже были ему неведомы. Но зато нрав супруги Казин знал преотлично. Хотя такого Ганна себе никогда не позволяла. Ну, случалось, саданёт в сердцах об пол треснувшую тарелку или гранёный стакан, но чтобы мебель курочить?..

С трудом въехав, что случившееся не сон и не шуточки инозвёздного модуса, Казин побагровел и помчался на расправу во двор. Где ещё, как не в хлеву, может прятаться от мужниного гнева вздуревшая жена?

Дворовая дверь, печально поскрипывая, качалась на ветру. Ганны не было и здесь, а кроме того, не было коровы. Лишь изголодавшийся поросёнок Борька встретил хозяина божественным хрюканьем. Пол в хлеву густо покрывали куриные перья. Нетрудно представить, как несущкам в спешке сворачивали головы и запихивали бьющиеся тела в мешок, чтобы унести всех разом.

Гребёж... разбой... вандалам такое и не снилось. Корову она куда дела?

Потерянный и охромякнутый Казин выскочил на улицу и там наткнулся на Людку – вдову закадычного корешка Витя. Людка явно караулила Казина, любопытствуя узнать новости. Всю правую сторону рыхловатого Людкиного лица густо заливала вздувшаяся грозовая синева кровоподтёка. Видать, досталось Людке с размаху и не кулаком – от кулака фингал под левым глазом бывает, – а чем-то тяжёленьким. Сейчас, впрочем, Казину было не до чужих синяков.

– Ганну не видала? – отрывисто спросил механизатор.

– Покуда глаз целым был, так видала, – с вызовом ответила Людка. – Пошла глянуть, что у вас за ор стоит, а твоя Ганна на меня с топором метнулась. А до этого – шкаф лобанила, только щепки летели.

Казин наконец перевёл взгляд на Людкино телесное повреждение.

– Кабы топором, у тебя не так было бы... – неуверенно произнёс он, стараясь понять, что же приключилось в доме.

– Кидалась с топором, а докинулась сковородником, – уточнила Людка.

– «Скорую»-то вызвали? – гнев Казина вдруг куда-то улетучился, придушенный жуткой догадкой.

– И так заживёт, – Людка приложила ладонь ко вздувшимся мордасам.

– Да не тебе «Скорую» – Ганне! Ведь с ума сошла, мебель порубила, курам головы скрутила всем как есть...

– Какое – с ума?.. Здоровёхонька твоя Ганна! Ушла она от тебя. Насовсем ушла. Вещички свои ни единой не позабыла, всё в кутули, на корову навьючила – и была такова.

– Да с чего?! – стосильным трактором взревел Казин.

– А это уж тебе лучше знать. С кем она тебя на свиданке застукала, муженёк?

Глава 2

Грогги

Вот пришла судьба и вывела, что не только блудный син, но и Казин ударов её держать не может. От первого жизненного хука полетел бравый мелиоратор в нокаут. Ну, может быть, в нокдаун, ибо секунды рефери отсчитывает неспешно, позволяя сильному подняться. Вот только подняться Казину не хотелось. Сладкое состояние – грогги, мир плавает в тумане, и ничего-то тебе не нужно.

Казин запил.

Деньги, что дома были, Ганна выгребла до копеечки, но у Казина была припрятана добрая заначка, а следом пошло на продажу то немногое, что оставалось в доме целым. Первым отправился на базар поросёнок Борька. А цуцик, которому Казин в расчёте на грядущий зверский нрав успел дать имя Зюган, так и вовсе хозяина не дождался, убежал следом за Ганной.

Казин ни о чём не тужил. Начинал утро с водки и водярой заканчивал. Жратвы не покупал, питаюсь сбалансированной бурдой, что варила инозвёздная хреновина. Водки хреновина выдавать не желала, считая сдуру, что этот продукт земному метаболизму чужд.

В деревне Казина жалели, но подходить остерегались, опасаясь буйства. Только супруга участкового – милиционер-

ша Жанна, прозванная приезжими дачниками жандарметкой, пару раз приходила и пыталась выяснить, что тут произошло и не требуется ли вмешательства властей. Жандарметку Казин отшил невежливо; с некоторых пор бабский пол вызывал у него чувство отвращения. Жанна отбыла, решив в случае чего привлечь хулигана к административной ответственности.

В какую-то минуту, решив по пьяни, что во всех бедах виноват блудный син, Казин собрался было в Синляндию. Едва не разворотив сарай, надул муровину, извлёк и подготовил к работе спасительную бандурину. Но потом недопропитые остатки разума подсказали ему, что домой возврата не будет, и Казин ушёл допивать початую поллитру. Бандурина осталась стоять возле верстака.

Больше Казин к инопланетной технике не обращался. Продавать её – так кто купит? – а самому пользоваться... Однажды мелькнула мысль о полевом «Модусе», но даже в запойном состоянии нехорошо стало Казину от этой мысли. Понял, что не буженину с карбонадом увидит, а целый, не разграбленный дом, зеркальный шкаф, незнакомый с ударами колуна, услышит густое дыхание Пеструхи в хлеву и привычную ругань Ганны. Врут инозвёздные рекламщики, говоря, что не бывает от «Модуса» похмелья. После такого сеанса – хоть в петлю. Лучше уж самогоном спасаться.

Запой продолжался две недели, потом деньги иссякли и кончились желающие покупать недоразгромленные пожит-

ки. Всё, что было получше, уплыло в чужие руки. Как говорится, сто лет копил и влёт пропил. Ведь подумать только — двадцать годочков хозяйство ухичивал! И всё прахом... Хотя много ли оставалось в доме после Ганниного ухода? Посуда перебита, одежда порвана, мебель порублена... Ни одного стула не осталось, так что сидеть Казину приходилось на круглой табуреточке, которую накануне печальных событий хозяин для какой-то надобности занёс в сараюшку, да и забыл там. Тем и спаслась единственная мебелинка. Только много ли в корыте корысти?

Глава 3

Преступление и наказание

Казинский подсобник Воха лишь с виду казался человеком грубым и уголовным, а на деле имел душу нежную и легкоранимую. Через то и страдал неоднократно. Не мог Воха спокойно взирать на творящиеся кругом беззакония и, когда видел несправедливость, немедля вступался во всю мощь привычного к разборкам кулака. Одна беда, Вохины понятия о беззакониях и несправедливостях сильно рознились с положениями Уголовного кодекса, отчего правдолюбец претерпел немало заушений. Ещё в несовершеннолетние годы не раз и не два влекли Воху в районную ментовку, и на учёте держали, и внушения делали. Однако пороки мироздания вновь и вновь заставляли Воху пускать в ход верный кулак. А закон, как говорят секущие в юриспруденции латиняне, хоть и закон, но дура. Одна за другой последовали пятнадцатисуточные отсидки, а потом и срок замаячил.

Дело такое Вохе не понравилось, и при первой же возможности, отучившись в техникуме на электромонтёра и отмаршировав своё в ракетных войсках, Воха покинул родной Николаев и перебрался в город на Неве, где его ни одна собака не знала и менты на улице не оборачивались. Однако просчитался монтёр из Николаева, после первой же серьёзной драки выяснилось, что никто не забыт и ничто не забыто.

Казалось бы, всего-то дал какому-то лоху по соплям... ну, пару зубов вышиб и мозговину сотряс, а получил... хорошо получил.

А самое обидное, что после зоны взявшийся за ум баклан был выслан на сто первый километр и стал деревенским жителем. Ни тебе тёплого моря, ни северной столицы. Живи в посёлке Лядицы. От такой обиды Воха новое место жительства иначе как с добавлением второй буквы алфавита и не называл.

С годами и гонор, и обиды сошли на нет. Жил Воха похолостячки, трудился разнорабочим в передвижной механизированной колонне краснознамённого треста Ленмелиорация, выпивал в меру заработка и ни о чём не жалел, ну, может, о том лишь, что всей водки не выпить.

Казина Воха не любил, считая куркулём. Как-никак, в соседних деревнях живут, и хозяйство крановщика было Вохе вполне известно. Почему-то Олег всегда успевал прибрать плохо лежащее добро раньше, чем на него пытался положить глаз Воха. Вот в прошлом году Воха хотел пожить в бытовке молочным бидончиком, в котором привозили воду. Но пока приискивал покупателя, бидон исчез. Теперь в нём у Казина бражка ходит. По весне с заброшенной фермы привезли новый бидон, так ведь и его небось Казин сопрёт.

Сейчас, когда Казин ушёл в запой, у его помощников наступил вынужденный отпуск, который Воха также тратил на неумеренное пьянство. А мысли о бидоне и бражке разбере-

дили природную жажду, и в одну прекрасную ночь монтёр с монтировкой в руках появился в Подсосонье.

Воха сам не мог бы сказать, на что он надеялся, направляясь к дому крановщика. Вся колонна знала, что сахар на алкогольное дело Казин переводить не станет. Олег курил самогонку из кислой падалицы, болотных ягод – шикши и голубики, а если выпадал урожайный год, то из сливы-терновки, целые заросли которой произрастали в заброшенных садах. Июнь в деле ягодного самогонования сезон мёртвый, и бидон в казинском гаражике стоит пустой. Карамельщики, конечно, во всякое время гонят слезу, но их первач так просто не добудешь. А Казин был ягодником и гнал для собственного потребления. Грамотен был крановщик, сливянку называл ракией, яблочную самогонку – кальвадосом, а отгон ягодной бражки – синюхой, уверяя, что синюху ещё древние греки потребляли.

Вохе было всё равно – греки так греки, лишь бы ему тоже досталось. Ведь пьёт же что-то Олег? – так, может, и поставил брагу на конфетах...

Июнь в Подсосонье – время белых ночей. В полчетвёртого и следа не остаётся ночной тьмы, и на золотых небесах спешит показаться солнце. С одной стороны, это для взломщика удобно – не надо с фонарём возиться, всё видать, как среди дня. С другой стороны, и тебя видать всякому. Умучает бессонница кого из соседских старух, выглянет она от бездельной тоски в окошко, вот тебе и свидетель. Казин, ко-

нечно, к жандарметкину мужу не потащит, сам разбираться станет, но всё равно неприятно.

Однако обошлось. К деревне Воха прошёл заглохшими садами, дорогу пересёк не скрываясь, будто кто по делу идёт, а там – и казинский двор, лишённый собаки и жены, беззащитный пред всяким злоумышлением.

Сарай встретил взломщика незапертым замком, болтающимся на одной дужке. Выходит, зря тащил с собой монтировку. Но кто же подумать мог, что куркулистый Олег, даже упившись до зелёных человечков, способен забыть о замке?

Воха осторожно приоткрыл дверь и проник в сарай.

Муровина, не прибранная, но сдутая, похожая на расстеленный для просушки тент, Вохиного внимания не привлекла, а вот готовая к пуску катапульта заинтересовала немедленно. Монтёр из Николаева с ходу усёк, что эта штука по его части, хотя предназначение её казалось неясным. На трансформатор не похожа, на распределитель – тем более. Скорее уж – стойка КИП для какого-то сложного производства. Но что за производство в сарае?

Всё-таки первым делом Воха исследовал бидон, с горечью убедился, что тот пуст, а затем вновь обратил взоры на бандурину. Заглянул под приставку, проверил, что она хорошо изолирована, да и кабеля не видать. Значит, всё обесточено, не для дела Казин бандурину приволок, а попросту, желая раскурочить на запчасти. Любопытствующий монтёр ступил на подставку, вытянув шею, заглянул сверху, но и там сило-

вого кабеля не обнаружил. Пожал плечами, пророчески произнёс крылатое слово: «Поехали!...» – и небрежным жестом ткнул в панель сенсорного управления.

В сарае неярко полыхнуло сапфировыми отблесками, и неосторожный домушник унёсся прочь от родимого сто первого километра в далёкую и такую чужую Синляндию.

Глава 4

Катарсис

Хмурый и небритый, с больной головой вышел Олег Казин со двора. Что и в какую сторону его влекло, не мог сказать он сам. Просто душа больше водки не принимала, да и не было в доме водки. Прикрыв калитку, Казин постоял в задумчивости и двинулся по улице, куда вели непрочные ноги. Брёл себе, покуда не натолкнулся на тётку Фаину, проныру и прогляду, которой всего больше опасался собравшийся на дело Воха.

– Здоров будешь, Олежек, – приветствовала тётка нетрезвого мелиоратора.

– Вашими молитвами, тётя Фаня, – отозвался приученный к вежливости Олег.

– А чего ты среди ночи в сарае варил? – немедленно перешла к делу Фанька, видя, что Казин беседовать не расположен и сейчас пошлёпает дальше.

– Ничего я не варил! – возмутился крановщик. – Пьяника ещё зелёная, да у меня и аппарата не бывало.

– Да я не про то, – отмахнулась Фаина, отлично зная, что аппарат у Олега есть, но покуда стоит без дела, ибо и шикша и голубика только начали наливаться. – У тебя ночью в сарае свет мигал, вроде как электросварка. Вот я и подумала, чего это ты ночью мастеришь?

– А!... – отмахнулся Казин, разом вспомнивший, что оставил бандурину неприбранной на самом виду. – Так это я кронштейны варил, полки хочу новые настелить.

– А у тебя, что, сварка есть? – залюбопытствовала пронира.

– На ремонтном одолжил, – нашёлся Казин, – потому и варил ночью, что с утра отдавать.

– Понятно, – согласилась любознательная соседка. – А ты радио сегодня слушал?

– Ну... – непонятно ответил Казин.

– Ничего-то ты не знаешь, – поделилась новостью Фанька, – а по радио сообщение было: инопланетяне прилетели. Высадились где-то там, а наши теперь с ними контракт делать будут.

– Тоже нашла новость, – зачем-то признался Казин. – Я этого инопланетяна ещё на позатой неделе видел, на Марьином ручье. Маленький такой, зелёный, вроде чёртика. Реинкарнаторы у него забухли.

– Да уж как ты бухал, вся деревня видала. Надо же, до зелёных чёртиков допился!.. Гляди, Олежка, как бы тебе следом за Витяем в канаве не очутиться!

– Как-нибудь, – прервал нравоучение Казин и поспешил к дому.

Хотелось похмелиться, но Казин знал, что пить больше не будет, иначе всю жизнь пропить можно. В душе наступило просветление, сильнее опохмелки Олег Казин жаждал полез-

ной деятельности. Прежде всего следует прибрать с глаз подалеже раскиданные инопланетные вещи, чтобы не вздумали больше мигать среди ночи, а потом бежать к ручью, отгонять кран. Если Фанька не соврала, то впереди и впрямь замаячил импортный контракт, а к такому делу следует готовиться заранее. Главное, не упустить своё, а там – наживём взамен погубленного. И пусть Ганна сдохнет со злости!

Глава 5

Акме

Вохе некогда было ни удивляться, ни пугаться, ни даже рассмотреть толком, куда его занесло. Громоподобно хрюкнуло в небесах, что-то гибкое и липкое обхватило несчастного, спеленав крепче чем акушерка младенца, и потащило в распахнутую пещеру пасти.

– Ма-а-ма!.. – совершенно немужественно закричал бывший хулиган, а его уже бросило во тьму внутреннюю, уложило, так и не распеленав, на мягкое и тёплое, а затем в губы ему ткнулось что-то подозрительно напоминающее соску.

Воха завертел головой, стараясь уклониться, но настырный сосец втиснулся между сжатых зубов. Воха поневоле глотнул, закашлялся... замер изумлённо.

Пиво! Это было пиво! Светлый баночный «Холстен», уж в этом-то Воха разбирался и не ошибся бы даже с закрытыми глазами.

Мгновенно смирившись, Воха осторожно попытал, не исчез ли источник жизненной влаги. Сосок был на месте и действительно источал пиво. Цель жизни, вершина бытия, сияющий абсолют были достигнуты! И всё же неугомонный монтер не утерпел навести критику:

– Лучше бы «Жигулёвское», оно забористей... а впрочем, и это сойдёт! – и Воха, зажмурив глаза, присосался беспово-

ротно.

Синоматка заплучила очередного подопечного.

Глава 6

Контактёры

Ничто не подлетало медленно к Земле, позволяя обнаружить себя возле орбиты Плутона, ни одна радиообсерватория не принимала таинственных передач, ни единая кликуша, провидя грядущие события, не предсказала явления инозвёздных существ. Потому и не было сдержанной паники в верхах, попыток сохранить тайну, шёпотом передаваемых домыслов. Просто-напросто тут и там по всей Земле объявились удивительные сооружения, и нечто, ничуть не похожее на худосочного блудного сина, закопошилось, занимаясь своими инозвёздными делами и вовсе не обращая внимания на аборигенов, которые ужасно расквакались, пытаясь понять, что происходит с родимым болотом.

Засекречивать происходящее было бы полной глупостью, чуть не во всяком населённом пункте люди видели хозяйничающих инопланетян, так что общепланетные СМИ получили полную свободу домыслов. В тайне держались лишь планы вооружённых сил разных стран и народов. Хотя, судя по всему, держать в тайне было попросту нечего.

Генеральный секретарь НАТО Маргарет Бриннер за один день успела произнести десяток миролюбивых речей, полных невнятных угроз, в то время как войска, поднятые по тревоге, производили невнятные манёвры, ибо не знали, ку-

да стягиваться и что там делать. Потенциальный противник был повсюду, но, кажется, не собирался не только нападать, но и просто обращать внимание на исполненные гневного достоинства речи ястребиной тётки.

Другой генеральный секретарь, рангом повыше, от имени объединённого человечества требовал от агрессора объяснений, но и на эти филиппики ответа не последовало.

Общественность всех стран бурлила, митинговала, протестовала, призывала, приветствовала, пикетировала и пыталась сотрудничать с незванными гостями. Лидеры некоторых магометанских держав грозились объявить газават, но удивительным образом никто не пытался проводить против бесцеремонных пришельцев террористические акты. Шумели, кричали – но и только. Целый день кричали, покуда незваные гости возводили повсюду некие строения, явно технологического предназначения.

Единственный человек, который мог бы просветить общественность по поводу происходящего, был, кажется, единственным, кто ни о чём не подозревал. Олег Казин, решивший более не пить, обнаружил дома недоконченную бутылку и прежде всего приговорил её, так что никакие события не касались его слуха. Но даже если бы сам зеленомордый хозяин Земли явился в разграбленный казинский дом, то и на него запойный механизатор реагировал бы так же, как инозвёздные гости на резолюции ООН. По фигу были Казину бесцеремонные звездожители, уж Казин-то знал, что счастья

они не принесут, да и водка в межзвёздных просторах палёная.

А через сутки в девять утра по подсосоньевскому времени радио и телевидение всех стран, на всех языках и наречиях передало анонимное распоряжение. Водоземлюсионным системам, обладающим самосознанием, предлагалось незамедлительно явиться на пункты утилизации.

Это был шок. До сих пор лишь немногие очкарики ведали, что человек представляет собой водоземлюсионную систему, подлежащую утилизации, отныне этот обидный факт стал известен широкой общественности.

Взрыв негодования можно было сравнить разве что с Кракатау и Хиросимой в одном лице. Дома не устоял никто. Люди собирались, вооружались плакатами и берданами, иконами и знамёнами. Никто не знал, воевать он идёт или всего лишь протестовать, но из дома шли с детьми и собаками, а кое-кто и коров гнал, словно демонстрация стада могла утешить галактического агрессора. Военские части выдвигались походными колоннами, порядка в коих было куда больше, чем в частях гражданских. Человечество являло враждебному космосу свою силу и сплочённость, не умея заметить, что всего лишь выполняет повеление нового хозяина: дружными рядами направляется на пункты утилизации.

Лягухи на болоте хотя бы в разные стороны прыгали.

Глава 7

Гражданин начальник

В общей толпе односельчан отправился на пункт утилизации и мучимый похмельем Казин. Не успел протрезвиться как надо и брёл, страдая отрыжкой. Возле конторы сельчан поджидали совхозная развозка и пара автомобилей, потому что в самом Подсосонье пункта утилизации не было и ехать предстояло в Копорье.

– Ну мы им покажем! – кипятился Лёха, первым взобравшийся на грузовик и занявший место на скамейке возле самой кабины. – Я такого терпеть не стану, я их так утилизирую – как родную маму звать позабудут.

– Не кипятись, петушок, – ласково остудила бывшего зэка тётя Фаня.

Лёха задохнулся от возмущения и... стерпел. Не позволялось в этот день эмульсионным системам давать волю кулакам.

– Я так полагаю, – рассуждал Степан Минеич, бывший начальник Подсосоньевского отделения колхоза «Дорогой коммунизма», – что нам надо блокировать подходы к инопланетным центрам гражданской техникой, тем самым продемонстрировав решимость не подчиняться агрессору, но в то же время показав, что мы не желаем военного конфликта.

– А чего – не желаем, – очнулся Лёха. – Я так очень да-

же желаю. Срыть ихние центры к свиньям собачьим – и вся недолга. По радио говорили, мол, пришельцы они... Всё врут – не пришельцы это, а вторженцы. И бить их надо в хвост и гриву!

Проехали монументальный, советских времён указатель. «Совхоз „Дорогой коммунизм...“ – последняя буква отвалилась, и название читалось двусмысленно.

Асфальт кончился, грузовик качнуло на ухабе. Казин с трудом сдержал стон. Голова раскалывалась, и каждый осколок болел на особицу. Всего сильнее ломило в затылке. Над глазами жгло огнём. Виски стянуло частой пульсирующей болью, а темя высверливало преогромным зубоврачебным бором. Но толчки равно отдавались повсюду, припекая, пульсируя или высверливая неприкаянную головушку.

– Ты глянь, а Вохи-то не видать! – произнёс приметливый Лёшка. – Все люди как люди, поехали агрессору мозги вправлять, а он небось на печи лежит. А туда же, боевым представлялся, мол, самый крутой...

– Как бы по избам не полез, – забеспокоилась тётя Фаня. – Он ведь шебутной, Вовка-то!

– Вернусь, фитиль вставлю, – пообещал Лёха отсутствующему напарнику.

Машина вновь подпрыгнула, и больше Олег уже ничего не воспринимал, придя в чувство лишь в Копорье у самой инопланетной постройки, где волновалась огромнейшая толпа двуногого утильсырья. Каждый из собравшихся кричал своё

и почему-то искренне полагал, что именно его услышат бесчеловечные преобразователи природы. Свобода слова кругом царила самая необузданная, а вот свободы поступка не было ни малейшей. Кулаком грози, а стукнуть – не смей.

В эту же волнующуюся толпу вмешался и очнувшийся Олег Казин. Работая локтями, пробился к самому входу или, во всяком случае, к тому месту, где обозначалось что-то слегка напоминающее ворота. Кругом орали, молились, пели, скандировали и сквернословили. В таком бедламе и себя самого было бы не расслышать, однако и Казин заорал, взбудораженный общим порывом:

– Сволочи, твари вонючие! Я вашего сина выручил, а вы вот как?.. Да я вас всех об колено да в печку!.. Бирюлек надавали, вот вам хинди-руси, а теперь на утилизацию пхаете, да?..

В полном экстазе похмельный крановщик сорвал с шеи радужную кчемулинку и завертел над головой, как бы собираясь метнуть её из пращи. И замер, сообразив, что на площади в единое мгновение прекратилась акция протеста. Словно людям заткнули рты мокрой тряпкой, так что и мычать сквозь влажную фланель ни у кого не получалось.

– Слушаю вас, гражданин, – произнёс иноземный голос, непонятный никому, кроме гражданина Казина, в кармане которого покоилась переводческая малявина.

– А, проняло!.. – радостно возопил Казин и, доказывая миру и городу, что свобода поступка ему возвращена, пнул

стену ногой, обутой в кирзу. – Вы чего, гады, зараспоряжались, ядрит туды в качель? Кто вам позволил чужим распоряжаться?

– Планета приватизирована досточтимым сином из Синляндии, – принялся оправдываться голос. – Именно им отдано распоряжение об утилизации.

– А ты и рад, падла?

– Я не умею радоваться, и я не падла, я Передвижной Утилизационный Комплекс – ПУК, предназначенный для оптимального освоения планет с распространёнными жидкофазными системами. Я умею только выполнять распоряжения.

– Так вот тебе моё распоряжение, – орал Казин, ничуть не беспокоясь, как нелепо звучит его голос среди всеобщего молчания, – чтоб ты немедленно убирался отсюда и, если угодно, можешь утилизировать своего разлюбезного сына.

Комплекс издал судорожный звук, напоминающий его аббревиатуру, затем осторожно произнёс:

– Сина нельзя утилизировать. Как и всякий гражданин, син обладает личной неприкосновенностью.

Казин торжествующе расхохотался.

– Да какой он на фиг гражданин? Облажался ты, парень, с этим делом. Ты паспорт у него спрашивал или на слово жулику поверил?

ПУК пожужжал немножко и вежливо ответил:

– Права гражданства действительно были временно утрачены досточтимым сином из Синляндии и восстановлены в

полном объёме неделю назад. Это первый известный случай восстановления утраченного гражданства, так что вы вполне могли быть не в курсе. Немедленно после оформления документов досточтимым сином было отдано распоряжение об утилизации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.